

«Русские — единственные, кто чухонцев понимает»

Аки Каурисмяки готов платить за дружбу

Коммерсантъ — 2005 — 24 марта — с. 21

фестиваль фото

В рамках московского фестиваля «Мода и стиль в фотографии» в галерее Зураба Церетели проходит выставка из Финского киноархива «Мир фильмов Аки Каурисмяки». Фотограф Малла Хукканен запечатлела ключевые моменты кинематографа «пролетарского метафизика» и «великолепного маргинала», которого называют также «Бергманом постмодерна», и одной из ключевых фигур современной культуры. Между тем АНДРЕЙ ПЛАХОВ побывал в хельсинкском офисе компании АКИ КАУРИСМЯКИ под названием Sputnik Oy и поговорил с хозяином о России.

Нас с Кирси Тьюкилайнен, советником финского посольства в Москве, промоутером и героиней фильмов Каурисмяки, встречают макет храма Василия Блаженного, картины Паолы (жены Аки), афиши фильма «Рио Браво» и концерта группы Steazy Ken Bag, фотографии Урхо Кекконена и Чарли Чаплина с собакой. В коридоре — полки с кассетами, среди них «Догвилл» Триера, «Семь самураев» Куросавы, «Альфавилл» Годара, «Аталанта» Виго, картины Джармуша и Киаростами, а также неожиданно несколько русских — «Отец и сын» Сокурова, «Любовник» Тодоровского, «Коктебель»

Попогребского и Хлебникова. В этой коллекции есть фильмы, любимые Аки, есть и те, дистрибуцией которых занимается Sputnik.

Мы ждем хозяина довольно долго, но дожидаемся только нескольких звонков, из коих следует, что он уже приближается к офису, однако в силу непреодолимых обстоятельств задерживается. Может, присел в баре под нами, чтобы пропустить рюмку? После большой рекламной кампании по фильмам «Юха» и «Человек без прошлого» Каурисмяки вот уже полтора года не дает интервью, и сегодняшняя встреча для него — не большой стресс.

Все это мы понимаем из учащающихся звонков Аки, который просит своих сотрудников закупить пива — иначе придется записывать интервью всухую. В конце концов он появляется собственной персоной: в нем ощутима та смесь ажитации и усталости, которую вызывает алкоголь. На столе тут же появляются помимо пива несколько видов испанского бренди. Нам не приходится долго расквашиваться, прежде чем приступить к разговору. Аки произносит ритуальную фразу по-русски: «В детстве жизнь Максима Горького была очень тяжелой» — и пускается вперед, во все тяжкие.

Сначала мы обсуждаем, на каком языке общаться — по-английски или с русско-финским переводом (благо к нашим услугам Кирси). Аки склоняется ко второму варианту:

— Зачем русским и финнам, таким близким, пользоваться языком империалистов?

— Правда, что в вас течет русская кровь?

— Что ж, это вполне возможно. Мой дед в 30-е годы продавал лошадей в Выборге и Ленинграде. А моего прадеда-карела звали Михаил Кузьмин.

— В России был хороший поэт с таким именем.

— Мне говорили, но это явно не мой прадед. Он жил в те далекие времена, когда русские, подобно герою «Юхи», ходили с сумой на плечах по всей Карелии и торговали. Вот и я всегда сосредоточен на коммерческих ценностях. Я вообще не художник, не Тарковский какой-нибудь, хоть и родился с ним в один день в начале апреля, я — обыкновенный человек. В фильмах Тарковского вижу одни голые знаки и тотальное отсутствие чувства юмора, особенно — самоиронии. Главная задача мессиянца и миссионера — формулировать свою миссию четко. После трех кадров «Ностальгии» я уже понимаю, что свеча погаснет в бассейне, зачем тогда нужен четвертый?

— А есть русские фильмы, которые близки сердцу финна?

— Я построил кинотеатр в городке, где живет восемь тысяч жителей. Под Рождество организовал там неделю советского кино. Было минус двадцать. Показывали три фильма — «Броненосец „Потемкин“», «Летят журавли», «Калина красная». Молодые люди, зашедшие погреться, в немом «Броненосце» сначала смеялись, но к концу замолчали: и их пробilo. Знаю и других ваших классиков.

— А современников?

— Как-то я сказал Андрею Кончаловскому, что его лучший фильм — «Первый учитель», и он обиделся. Конечно, человек вправе стыдиться, если сделал что-то плохое в молодости, но зачем стыдиться хорошего. «Первый учитель» — отличный фильм, только дерево там зря срубили, нельзя строить новое общество без тени. И Отар Иоселани, последние фильмы которого я категорически не принимаю, начинал с шедевра. А если уже начал с шедевра, то дальше не стоит беспокоиться. Я вот тоже начал с шедевра — «Преступления и наказания», фильм, правда, не был шедевром, зато роман — да.

— А если отвлечься от кино, как вообще финны относятся к России?

— Согласно опросам, 60% — отрицательно. Раньше у вас говорили, что самое важное — электрификация, теперь самое важ-

ное — уничтожить Чечню. Господин Путин, я слышал, встречался с солдатами в Чечне и подарил каждому по финскому ножу. — Значит, русско-финская дружба — блеф?

— Нет, не блеф. Русские — единственные, кто чухонцев понимает. Но надо откровенно говорить о наших отношениях. Много лет назад я был в делегации в вашем Союзе кинематографистов. Показывали мой фильм, говорили речи. Ни фильм, ни мои слова не могли продвинуть нашу дружбу. А что я сказал? Я сказал: а вы думаете возвращать Карелию? Ваши отцы и деды украли, вернете ли вы? Переводчик же что-то нес о традициях дружбы между финской и советской молодежью. Наша дружба, что тянется с 1809 года, какова она? Дружим ли мы потому, что финны за эту дружбу платят? Или дружили бы сами по себе? Мы финансируем ремонт библиотеки в Выборге и очистку канализации в Петербурге. Петербуржец какает — я плачу. Но даже финн не так глуп, чтобы не понимать, какова пенсия у русской бабушки. Чем наглее государственная машина, тем больше уважаешь людей, которые сохраняют человечность и пытаются честно делать свое дело. Не они, а государственная машина, вот что раздражает демократа. Впрочем, кажется, это у вас теперь ругательное слово.